

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОЧЕНЬ ТОНКАЯ
СТАЛЬ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Очень тонкая сталь

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Очень тонкая сталь / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-98252-3

Старшего лейтенанта спецназа ГРУ Алексея Ветошкина руководство ФСБ привлекает к расследованию убийств российских ученых, которые работали над различными секретными проектами. Все жертвы были убиты необычным способом – ударом ножа ниже пояса, и Алексей, как мастер ножевого боя, может по этому «почерку» выйти на преступника. Старший лейтенант внедряется в службу охраны секретного исследовательского центра. Начальник службы, в прошлом тоже мастер ножевого боя, устраивает спецназовцу жесткую проверку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98252-3

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	18
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Самаров

Очень тонкая сталь

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Тренировочные занятия по рукопашному бою были в самом разгаре. Моя задача, которую я сам для себя определил, состояла в том, чтобы дать спарринг-партнеру «вымахаться» в попытке нанести мне удар, и не позволить ему этот удар нанести. Действовал я при этом простыми отбивами, коротко ударя противника по предплечьям, направляя удары, нацеленные в голову, в пространство рядом с моим корпусом или головой. У нас в спецназе ГРУ это называется «работать переборами». Мне это труда не составляло, поскольку эти движения были давно и тщательно мной отработаны.

А когда он «вымахается», я начну бить. Но у противника, хотя он умеет все то же, что и я, не останется дыхания и быстроты на такие переборы. И тогда я начну. Буду бить предельно быстро, жестко и точно. Настолько быстро, что не оставлю сопернику времени на раздумья и на возможность выбрать ответный ход.

Мой противник – капитан Виктор Иванович Телегин, командир разведроты, в молодости был перворядником по боксу. Я знаю, что он не любит бить боковыми ударами. Его конституция, то есть строение его тела, располагает к нанесению прямых ударов. Телегин высокий и сухощавый, не имеет мощных широчайших мышц спины¹, необходимых для нанесения боковых ударов, хотя у него иногда проявляется короткий и резкий левый боковой, но он всегда следует после старательно тяжелого правого прямого, настолько заметно тяжелого, что я сразу понимаю, что за этим ударом должно последовать.

Тяжелый правый прямой Телегин намеренно бьет так, чтобы я без труда отбил его. При этом руки мои должны уходить вперед, открывая голову. Все-таки тяжелый удар одной рукой отбить сложно, приходится действовать двумя руками. А Телегина его правый прямой разворачивает для нанесения жесткого и резкого левого бокового удара. Я эту хитрость прочитал сразу, этого удара жду и легко ныряю под него. Будь этот удар помощнее, вложи в него Телегин вес тела, он просто «провалился» бы после него, и я едва бы удержался от собственного удара. Но он не «проваливался». Он не мог бить тяжелые боковые удары – сложен был не так, чтобы эти удары обретали необходимую мощь. И потому я пока его не бил.

Занятия по рукопашному бою для офицеров батальона всегда проводились без присутствия посторонних. Под посторонними подразумевались, естественно, солдаты батальона. И не потому, что офицеров обучали по какой-то особой системе, знать которую солдатам не полагалось. Конечно, у нас бывали занятия и такого уровня, но не часто. Вопрос недопуска солдат на офицерские занятия определялся просто. Случалось, что кому-то из офицеров основательно доставалось от условного противника, которым мог оказаться любой офицер батальона. И это могло уронить авторитет офицера среди солдат, которыми он командовал.

Исключение составлял штабной писарь – старший сержант Яшкин, но способствовали этому не его штабная должность и постоянное общение с офицерами штаба, а то, что старший сержант Яшкин был мастером спорта международного класса по армейскому рукопашному бою, и в армию попал, будучи уже профессиональным бойцом смешанных единоборств. То есть он сам мог при необходимости заменить старшего специалиста по специальной профессионально-прикладной подготовке личного состава подразделений специального назначения. Так длинно и мудрено официально называется инструктор по рукопашному бою.

¹ Широчайшая мышца спины – наиболее эффектная мышца спины, идет от подмышки до косой мышцы живота, подчеркивает талию и в развитом состоянии делает человека широкоплечим и внешне мощным. Отвечает за боковые удары и стабильную тягу. Как правило, широчайшая мышца спины развивается одновременно с мышцами плеча – бицепсом и трицепсом. Занимает основную часть мышц спины с двух сторон.

И потому, чтобы не заглянул никто лишний, спортзал во время офицерских занятий обычно закрывается на ключ изнутри. Так было и в этот раз. Дверь была закрыта, ключ находился в кармане дежурного офицера. А дежурным по спортзалу в этот день был как раз капитан Телегин, с которым я работал в паре. Второй ключ находился у дежурного по штабу батальона, и получить в руки его каждый желающий, естественно, не мог.

Я внимательно следил за дыханием капитана Телегина. Виктор Иванович уже начал терять скорость и резкость ударов. Тут я понял, что наступает мое время. Напоследок Телегин попытался пробить ногой хай-кик² справа, я легко сделал шаг назад и в сторону, потому что всегда предпочитал при атаке противника, если была необходимость отступить, уходить в сторону, а не прямо назад, где была возможность догнать меня вторым ударом. Но на второй удар у Телегина уже «не хватило пороха». Но сам он после неудачного хай-кика развернулся вокруг своей оси, занял неустойчивое положение, однако смотрел при этом не на меня, а куда-то мне за спину. И из своего неустойчивого положения рывкнул:

– Встать! Смирно!

Но я уже сократил дистанцию и наносил удар... И не сумел его остановить. Удар был выверенным и точным, прямо в подбородок. А когда такой удар наносится рукой в легкой и жесткой перчатке для боевых единоборств, это серьезно. Виктор Иванович, как дежурный, успел дать команду, хотя последние слова команды звучали уже на угасании. Он рухнул на пол по стойке «смирно», которую сам, одновременно с собственной командой, пытался принять, и благополучно закрыл глаза.

Я обернулся. Дверь в спортзал была распахнута, на пороге стоял наш суровый комбат подполковник Рыков и незнакомый генерал в бриджах с ярко-голубыми лампасами и в бушлате без погон. Такие лампасы носили, как я знал, генералы ФСБ.

– Занимаетесь? – спросил комбат. – Ну-ну... А кто у вас дежурный по спортзалу?

Все взгляды устремились на капитана Телегина, который только что открыл глаза, но встать не поторопился, а лежа, снова вытянулся по стойке «смирно» и рывкнул командирским голосом:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться к товарищу подполковнику!

Все, как полагалось, по Уставу внутренней службы.

Генерал улыбнулся:

– Обращайся...

– Товарищ подполковник, группа офицерского состава батальона проводит занятия по рукопашному бою...

Положение было комичным, и даже сам суровый подполковник Рыков улыбнулся.

– Вставай, Виктор Иванович. После занятий отдохнешь...

Телегин, видимо, только-только догадался, что он лежит, и резко перевернувшись через голову, одним движением вскочил на ноги и теперь уже в стоячем положении принял стойку «смирно».

– Ладно, продолжайте занятия, – махнул рукой комбат.

– Есть, продолжать занятия. – Телегин повернулся ко мне и принял боксерскую стойку.

– Алексей Афанасьевич, мы к тебе, – кивнул мне подполковник. – Отойдем-ка в сторону...

Я вынужден был дать капитану возможность перевести дыхание и восстановить в голове ясность мысли после пропущенного удара, то есть вся моя подготовительная работа по утомлению мышц рук и легких Телегина пошла насмарку, и позже, как я понял, придется все начинать заново. А это нелегко. Виктор Иванович хороший боец.

² Хай-кик – боковой удар ногой в голову в единоборствах.

Я кивнул командиру разведроты, останавливая спарринг, и двинулся вслед за подполковником в дальний угол спортзала, где вдоль глухой стены стояли скамейки. Генерал пошел первым, и первым же сел, жестом показал подполковнику на место рядом, но меня сесть не пригласил. Видимо, разницу между комбатом-подполковником и командиром взвода – старлеем генерал понимал прекрасно.

Я замер перед ними. Рыков что-то шепнул генералу на ухо, и тот только после этого представился:

– Меня зовут Сергей Павлович, фамилия моя Кабаков. Я генерал Следственного управления Федеральной Службы Безопасности, головное управление. Как понимаю, я имею дело с чемпионом спецназа по «поножовщине»?

Мне всегда претил этот термин – «поножовщина». Да, я недавно стал чемпионом войск специального назначения по ножевому бою. Но «поножовщина» – это что-то почти уголовное, так мне казалось. По крайней мере, так я понимал в меру своего разума. И я не постеснялся ответить генералу так, как считал нужным:

– Я не понимаю, товарищ генерал, о чем вы говорите. Я месяц назад стал чемпионом войск специального назначения по ножевому бою. Но ножевой бой – это не «поножовщина», товарищ генерал. Это искусство фехтования на ножах. И в настоящее время, насколько мне известно, готовятся документы в международную федерацию фехтования о признании фехтования на ножах такой же спортивной дисциплиной, как фехтование на шпагах, саблях и рапирах. А там, если первая инстанция будет пройдена успешно, просматривается и включение данного вида в олимпийскую программу. Ведь, если я правильно помню, когда-то на Олимпийских играх разыгрывались медали по фехтованию на штыках. Штыки ушли в прошлое, но ножи в прошлое не ушли, товарищ генерал, и сегодня в мире существует множество различных национальных школ...

Я говорил с легкой обидой и с возбуждением. Я спорил. Я выступал против употребления генералом термина «поножовщина», защищая по мере сил свой вид спорта.

– А старший лейтенант у вас не промах, – генерал посмотрел с усмешкой на подполковника, который привычно хмурился. – Такому, как я понимаю, палец в рот не клади. По локоть руки лишишься. Вот такой как раз нам и нужен...

– Взводу своему он тоже нужен, – поморщившись, ответил Рыков.

– Тем не менее я попросил бы тебя, Григорий Григорьевич, по старой дружбе откомандировать старшего лейтенанта к нам месяца на три.

– Во-первых, следует его самого спросить, во-вторых, как я уже говорил, вопрос необходимо решать через командующего войсками спецназа ГРУ. Я сам не уполномочен распоряжаться жизнью и служебной карьерой офицеров.

– Ну, что, старлей, комбат требует твоего согласия. Не желаешь попробовать себя в роли сыщика? – Генерал посмотрел на меня, и я увидел, что он вовсе не такой добренький и улыбочивый, каким хочет казаться. Взгляд у него необычайно глубокий. Но главное, что я увидел, – суровая жесткость этого цепкого взгляда. Генерал Кабаков хватал глазами, как пальцами, – больно и крепко.

– Все зависит от того, что мне следует делать, – ответил я уклончиво.

При этом на подполковника Рыкова старался не смотреть. Просто догадывался, что комбат сейчас попытается уничтожить меня взглядом. Это он умеет. По меньшей мере, попытается глазами расстрелять. В его понимании я не имею никакого права соглашаться. Это он имел право дипломатично предложить генералу поинтересоваться моим мнением. А мое мнение должно быть – категорично «против». Но я сам еще не знал, что за предложение хочет сделать мне генерал. И, даже если я соглашусь, все будет зависеть от мнения командующего войсками спецназа ГРУ полковника Мочилова. А полковник наверняка в первую очередь поинтересуется мнением командира батальона, то есть все опять замкнется на подполковнике Рыкове.

И теперь все сводилось к тому, стоит мне быть в отношении генерала податливым, и тем самым портить отношения со своим комбатом, или нет. А отношения, в случае моего согласия, обязательно испортятся. Это я по тону подполковника чувствовал.

– Вопрос этот – государственной важности, – сказал генерал. – Это я сразу предупреждаю, чтобы было понятно. Я не уверен, что могу посвящать тебя, старший лейтенант, в тонкости вопроса до того, как ты дашь согласие. Хотя, видимо, это необходимо. Это будет вынужденная мера. Только придется тебе дать подписку «о неразглашении» в случае отказа. Извини, Григорий Григорьевич, – обратился генерал к комбату, – мне необходимо побеседовать со старшим лейтенантом с глазу на глаз.

– Могу предоставить свой кабинет, – недобро предложил подполковник.

– Извини, Григорий Григорьевич, еще раз, я не знаю, какая у тебя там стоит подслушивающая аппаратура и будут ли ее глушить приборы, что находятся в моем портфеле. Потому Алексей Афанасьевич сейчас примет душ, переоденется, и мы с ним вдвоем прогуляемся и поговорим по душам. Я жду тебя на улице, старлей. Бланк стандартной подписки «о неразглашении» у меня есть, я его сам заполню...

* * *

Недовольный взгляд комбата я все же поймал, когда меня жестом, как шлагбаумом, остановил капитан Телегин, с которым подполковник как раз и разговаривал:

– Извините, товарищ подполковник. Леха, ты меня нокаутировал, когда я остановил бой и давал общую команду. Это, на мой взгляд, нечестно...

– Извини, Витя, я уже начал наносить удар, когда ты остановился, а сам остановиться просто не успевал. Я не намеренно. Честное слово.

Я говорил предельно искренне.

– Ладно. Бывает... Меня однажды самого в уже полностью выигранном бою на ринге дисквалифицировали за удар после команды «Стоп». – Капитан Телегин был по природе понижающим человеком, и никогда не держал подолгу зла на соперника. – Ты уходишь? Мы не будем продолжать?

– Да, я получил приказ генерала.

– Это не приказ, а просьба, – поправил меня комбат. Именно в этот момент я и поймал его взгляд. Рыков смотрел на меня, как Анна Каренина на паровоз. И я без труда понял, что моя дальнейшая служба в батальоне будет сопряжена с определенными трудностями. Подполковник Рыков сумеет их создать.

Но, когда на меня пытаются давить, я всегда стараюсь сопротивляться. И отвечаю на давление.

– Я, товарищ подполковник, просьбы старших офицеров, даже если они принадлежат к чужому ведомству, всегда воспринимаю как приказ. Тем более просьбу генерала... Извините...

Лицо подполковника от моих слов сморщилось, как только что скрученный пельмень. Это был знаменитый и всем известный признак. И потому капитан Телегин посмотрел на меня с сочувствием. Он сам уже давно должен был бы получить майорские погоны, и получил бы их, если бы не имел некогда неосторожность не угадать настроение комбата. Теперь пришла моя очередь. Я, конечно, всегда помнил старую армейскую истину: «Притворись дураком. Сделай командиру приятное». Но у меня это никогда не получалось. Наверное, актерских способностей не хватало. Не рожден я, чтобы лицедействовать...

Я отправился в раздевалку, быстро помылся в душе, переоделся и вышел на улицу, где уже сгушалась вечерняя темнота. Еще не полная, еще просто похожая на сумрак, но осению темнота всегда приходит стремительно. Хорошо, что в нашем военном городке дорожки

асфальтированные и вдоль них стоят фонари. Заблудиться невозможно. Под фонарями – скамейки.

На одной из них, рядом с входом в здание спортзала, сидел в одиночестве генерал Кабаков. Времени, что я собирался на выход, генералу вполне хватило, чтобы надеть очки и заполнить какой-то бланк, который он мне сразу и протянул.

– Очки не надо, – отказался я, видя, что генерал за свои очки взялся. – У меня зрение стопроцентное.

Но он, как оказалось, просто поправлял их на носу. Генерал не предложил мне присесть рядом с собой, и потому я, приблизившись к фонарю, стоя читал документ, который должен был подписать. Хотя к столбу прислониться постеснялся. Еще примут, чего доброго, за слабо-сильного.

Документ, по сути своей, был стандартный, я уже несколько раз такие подписывал. Разница была только в нескольких строчках, специально оставленных для ручного дополнения. Если дополнять ничего не требуется, тогда на этих строчках рисуется крупная латинская буква «Z», с черточкой посередине.

Сейчас строчки были заполнены мелким генеральским почерком, который я со значительным усилием, но все же разобрал. Я не нашел, что возразить, вытащил из кармашка на груди свою ручку, чтобы не просить ручку у генерала, и подписал бумагу на своем наколеннике. Округлость пластикового наколенника мне не помешала, главное, что пластик был жестким, и подпись получилась ровная, и даже располагалась в нужном месте. Я не забыл поставить число, а потом, на всякий случай, взглянув на часы, и время. Такие необязательные вещи иногда могут сработать. Особенно после того, как я заметил, что в заголовке документа стоит вчерашнее число. Это могло быть ошибкой, могло быть просто следствием того, что документ вчера распечатывался на принтере, но могло быть и ловушкой, в которую я не попал, благодаря своей профессиональной внимательности.

Последнее было более вероятно, потому что генерал Кабаков, посмотрев на мою подпись, показался мне недовольным. Чем-то его сегодняшняя дата не устраивала. Может быть, генерал должен был поговорить со мной еще вчера и уже доложил своему командованию, что поговорил, а еще, я допускаю, что, может быть, он увлекается числографией по системе Пифагора, и вчерашнее число, предположим, несет ему удачу, а сегодняшнее, наоборот, неудачу. Всякое может быть. Недовольство генерала может быть вызвано мыслями о доме и жене, а вовсе не моей шепетильностью в вопросе подписания. Я всегда стараюсь сначала вникнуть в суть события, а только потом делать конкретные выводы. Так меня учил наш прежний комбат, который получил полковничьи погоны, и сейчас командует бригадой в другом военном округе. Он принимал меня на службу лейтенантом после училища и много раз проводил со мной индивидуальные беседы. Впрочем, такие же беседы он проводил практически со всеми офицерами. Наверное, не зря...

– Ну, давай пройдемся по дорожке и поговорим. Я долго буду говорить. Ты домой не спешишь? Хотя, что я спрашиваю? Служба есть служба... На службе не спрашивают, спешит ли офицер домой...

Глава первая

Генерал вышагивал, как ему и полагается, заложив за спину руки с портфелем, который я не вызвался поднести, чтобы не показаться лакеем. Я не люблю людей, которые «достаю» своей услужливостью, и сам стараюсь не быть таким. Кабаков еще не настолько стар, чтобы ему трудно было носить портфель! Пусть носит. Даже за спиной, даже двумя руками. Ручка крепкая, выдержит.

– Сразу попрошу тебя не пугаться того, что я расскажу, – начал генерал с предупреждения. – Ну, да ты, надо полагать, не из пугливых. Так вот, за последние четырнадцать лет в России при невыясненных обстоятельствах погибли более семи десятков крупных ученых и научных работников, плюс к тому погибли несколько ученых, которые в свое время уехали работать за границу, но уже объявили о своем намерении вернуться на Родину. Не допустил кто-то их возвращения. Таким образом, начинает прослеживаться определенная тенденция...

– А что следственные органы? – спросил я, не понимая еще, какое я лично имею ко всему этому отношение. Или ФСБ желает использовать офицера спецназа ГРУ в качестве охранника при ученых? Но это напрасная затея, потому что из разведчика-диверсанта охранник получится только среднего пошиба, поскольку мы представляем противоположный клан. Нас обучают, как обойти охрану. Это тоже, конечно, опыт, применимый в охране, тем не менее, существуют специальные службы, хорошо обученные и отлично экипированные, которые и осуществляют охрану. Раньше это было мощное Девятое Главное управление КГБ СССР, сейчас это отдельная контора, которая называется ФСО³.

Сравниться с ними в деле охраны военный разведчик не в состоянии просто по роду специфики своей службы. Справиться при определенных обстоятельствах – да, но – не сравниться в деле охраны. Значит, такое предложение в мой адрес отпадает. Что тогда? Задействовать меня в качестве ликвидатора конкурентов? Но и для этого существуют специальные службы, например, «сектор Эль» в том же ГРУ, где служат бывшие офицеры спецназа, так или иначе провинившиеся перед государством и обществом и потому, чтобы не понести наказание, вынужденные стать пресловутыми ликвидаторами. Аналог нашего «сектора Эль» должен существовать и в ФСБ, как раньше он существовал в КГБ.

Тут я вовремя вспомнил, что генерал Кабаков представляет следственное управление ФСБ. Значит, он может привлечь меня только к расследованию. Более того, он даже спрашивал меня, не желаю ли я попробовать себя в качестве сыщика. Я, естественно, понял, что это обтекаемая формулировка, не несущая большой смысловой нагрузки, тем не менее, видимо, в ней была доля истины. Но при этом я прекрасно осознавал, что у меня нет никаких необходимых следственных навыков, поскольку спецназ ГРУ не наделен следственными функциями и мы не изучаем даже методологию следственного дела. Значит, стать сыщиком в данном случае мне не светит. У ФСБ их своих – всю Лубянку засеять можно, и ведь прорастут, в силу особенностей своей профессии, даже через асфальт...

Вспомнилась и фраза генерала про «поножовщину». Она наверняка была тоже не случайной. Вот, возможно, «где собака зарыта. Но как можно использовать мои способности к ножевому бою? А это, мне подумалось, та самая причина, по которой ФСБ и пытается меня привлечь к своей работе. Но какие здесь могут быть варианты?

Подрасться на ножах с другим специалистом ножевого боя? Такое предположение маловероятно. Против любого специалиста, умеющего обращаться с ножом, всегда можно выставить несколько человек с пистолетами и даже с автоматами. Спецназовцев и в ФСБ хватает, и

³ ФСО – федеральная служба охраны, занимается охраной высших должностных лиц государства и людей, в деятельности которых государство особо заинтересовано.

даже вооружены они чаще бывают лучше, чем спецназ ГРУ. И нож здесь, в противостоянии с пистолетами и автоматами, будет бесполезен. Что еще может быть?

Единственный вариант, который я сумел просчитать, – войти в доверие к человеку, который сильно увлечен фехтованием на ножах. Причем это должен быть спортсмен высокого уровня, с которым я, скорее всего, лично знаком быть не должен, иначе это может вызвать с его стороны подозрение, а с другой стороны, если я лично с человеком знаком, я могу и отказаться работать против него. Но этот человек обязан интересоваться ФСБ. Чем?

Если генерал заговорил об убийстве ученых, то человек, к которому я должен войти в доверие, обязательно должен иметь отношение к ученому миру. Каким образом? Он или сам должен быть из этого мира, то есть работать в этой сфере, или вращаться около него.

Первый вариант с большой долей вероятности отпадает. Насколько я понимаю, ученые люди всегда предельно заняты наукой, как алкоголик бутылкой, и потому с этим алкоголиком сравнимы. А чтобы добиться высоких результатов в искусстве ножевого боя, следует тратить уйму времени на тренировки. Я вот трачу не только служебное время, что соответствует профилю моей работы, но и личное, чем постоянно вызываю недовольство жены, считающей, что я должен все свободное время проводить с ней и с дочерьми, а их у меня две.

Следовательно, этот человек, если он спортсмен-ножевик высокого уровня, не может быть классическим ученым, но может при этом работать в сфере обслуживания научного предприятия. Например, лаборантом или каким-нибудь снабженцем, в конце-то концов. В голове сразу промелькнуло несколько лиц и даже фигур бойцов, которых я в той или иной степени знал. И подсознание дважды показало мне одного и того же человека. Я не был с ним знаком лично, но видел его несколько раз на соревнованиях. Ходил этот человек всегда, сколько я его видел, в черной униформе с надписью «Охрана» на спине. Кто-то, помнится, говорил мне, что Валентин Немчинов работает начальником охраны в каком-то «почтовом ящике», то есть на засекреченном предприятии. Кажется, я тогда переспросил, показав свою малограмотность в этом вопросе:

– Начальник Первого отдела?⁴

Мне ответили:

– Нет. Первый отдел всегда возглавляют выходцы из КГБ или ФСБ. У них бумажная работа – допуски, характеристики и прочее... А Немчинов – начальник физической охраны.

И сразу вспомнился голос, по которому я определил, с кем разговаривал про Немчинова. Тогда я, стоя на крыльце Дворца спорта, увидел, что один из участников соревнований уезжает на «Бентли». Сколько стоит такая машина, я мог только представить. А все, что мог себе реально позволить я – это низкоскоростной внедорожник «Шевроле Нива». И там же, на том же крыльце, мне рассказывал про Немчинова главный тренер сборной войск специального назначения Василий Юрьевич Масляков, который тогда случайно оказался рядом со мной.

– Наверное, не ножом на «Бентли» заработал...

– В некоторой степени и ножом...

Оказывается, когда-то Немчинов начинал тренироваться у Василия Юрьевича, стал тогда даже чемпионом России, потом уехал к родственникам в США, тренировался там, приобрел несколько странную, на взгляд тренера, технику боя, которая называлась «техникой ножевого боя тюрьмы Фолсом»⁵. А когда вернулся, получив в США наследство, открыл свой собственный спортивный клуб. Там тренировал, и там же сам готовился к соревнованиям, приглашая по своему усмотрению на спарринги других спортсменов-ножевиков. Раз в три месяца выезжал в США, где проводил очень дорогие семинары по ножевому бою. Там представлялся как

⁴ Первый отдел – на режимных предприятиях отдел, отвечающий за сохранение государственной тайны.

⁵ Тюрьма Фолсом – американская тюрьма строгого режима на окраине Сакраменто. Известна жесточайшими ножевыми разборками между заключенными.

«лучший ножевой боец России», хотя в последние годы на родине лавров, как боец, никаких не снискал.

– Я сам афишу его семинара видел. У него в клубе висит, в «тренерской». Так он там и называется «Лучший ножевой боец России», – сообщил мне Василий Юрьевич. – А стоимость недельного семинара по нашим деньгам запредельная. Сейчас уже не помню сколько, но у нас таких цен не бывает. Сам он говорит, что спортзал, где он семинар проводит, всех желающих вместить не может. Однажды даже пришлось снимать маленький тренировочный стадион с полем для бейсбола. Клиентура на семинарах – в основном американские уголовники. Хорошо, что он до наших не добрался. Понимает, что наши его за такие цены мигом обчистят, и нож не поможет. Но насчет того, что он лучший, сам разберешься. Тебе с ним скоро на схватку выходить.

Однако наша встреча с Немчиновым не состоялась. Он в предварительных схватках сломал ключицу. Противник ему сломал ударом со второй руки. И Немчинов вынужден был сняться с соревнований. И как болельщик на трибуне не сидел. Посчитал, видимо, что «лучшему ножевому бойцу России» учиться здесь не у кого. Я же тогда неожиданно проиграл в предварительной сетке молодому лейтенанту полиции, которого никто в расчет не брал, и не дошел даже до призеров, хотя рассчитывал на это...

* * *

– Следственные органы... – В ответ на мой вопрос генерал поморщился так, словно литр уксуса одним глотком выпил. От такой кислятины не только лицо, но и язык, надо полагать, сморщится. Но у генерала он не сморщился. И сразу стало понятно его отношение к следственным органам, естественно, не к тем, которые он представлял. – Везде следствие вели местные органы МВД, и никакого результата добиться не смогли. А к нам дела приходили уже поздно, когда время было потеряно. Да и не все, я думаю, дела до нас доходили. Тем более началось все еще тогда, когда преступность в разгуле была, хотя предельный пик девяностых уже прошел. Про тех, что тогда погибли или сгнули, я даже говорить не буду. Им нет счета. Но...

– Я слушаю, товарищ генерал.

Хорошо, что по Уставу полагается генеральское звание ограничивать одним словом, а то ведь я не знал даже, что за генерал передо мной – генерал-майор или генерал-лейтенант, звания выше я предположить не мог. Те генералы, что званием выше, должны возрастом быть постарше, они сами не ездят в командировки, имея возможность отправить подчиненных, чтобы вербовать себе помощников.

– Для начала я хочу сказать то, что ты, вероятно, и не знаешь. В начала две тысячи двенадцатого года на праймериз республиканской партии США сразу несколько кандидатов в президенты Соединенных Штатов откровенно и публично выступали за ликвидацию российских и иранских ученых, занятых в создании и разработке ядерного и ракетного оружия. Было заявлено, что эти ученые представляют угрозу безопасности США, следовательно, подлежат уничтожению. И такие речи другие американские политики встречали аплодисментами. То есть люди, претендующие на звание главы Белого дома, по сути дела, являлись обыкновенными террористами, потенциальными заказчиками для цеха киллеров из ЦРУ. Эти киллеры до сих пор крутятся в России, пришло время их остановить. Со всей решительностью.

Но вернемся к нашим делам. Первой жертвой среди ядерщиков стал Рувим Нуреев, главный инспектор по ядерной и радиационной безопасности Минатома. Летом тысяча девятьсот девяносто шестого года Нуреев находился в командировке в Новосибирске. Его перерезанное тело нашли на железнодорожных путях. В МВД смерть представили как самоубийство, хотя родственники уверяли, что у ученого не было никаких причин к суициду. Не было ни

депрессивных состояний, ни семейных неурядиц, ни серьезных болезней – ничего. Относим это, несмотря на заключение МВД, к нераскрытым преступлениям.

После этого в течение нескольких лет последовала череда загадочных смертей наших ведущих ученых-ядерщиков. Перечислять их можно очень долго, но у меня не настолько великодушная память, чтобы без бумажки все это тебе сообщить. Дело доходило даже до того, что целой группе из пяти видных ученых, вылетающих из Москвы на совещание в Петрозаводск, перед самым вылетом заменили самолет. Вместо надежного почти нового канадского «Bombardier CRJ-200», на котором они планировали лететь, в последний момент выделили старенький, отлетавший свое «Ту-134», который в итоге и разбился. Тогда даже израильская газета «Haaretz» предположила, что это была диверсия против русских ядерщиков, которые помогали Ирану и Индии в создании собственной ядерной энергетики. И это Израиль, который всеми средствами пытается не допустить Иран до создания собственного «атома»!

Причем такие акции, а наши аналитики пришли к единогласному мнению, что это, вне всякого сомнения, были целенаправленные акции, потом стали проводиться не только против ядерщиков, но и против ученых других направлений, которых объединяло одно – все они были задействованы в оборонно-промышленном комплексе. Так, в Туле был убит выстрелом в голову Вячеслав Трухачев, который конструировал противопехотные и противотанковые гранатометы. Убийство осталось нераскрытым. Было и еще несколько подобных убийств. Причем ученых несколько раз убивали даже битами для бейсбола. И все преступления не раскрыты.

Чуть позже появилась новая тенденция. Стали массово появляться люди, лишившиеся памяти. Как ни странно, они не потеряли, например, навыков вождения автомобиля, знали, куда следует обратиться за помощью, помнили номер, по которому «Скорую помощь» вызывают или полицию, или пожарных, но начисто забывали, кто они такие, чем занимались и чего сумели достичь в жизни. Это были люди до сорока пяти лет. Их находили на обочинах дорог, на железнодорожных путях, на стройках. И каждый раз – за много сотен километров от родного дома.

Многие из этих людей прошли обследование в Центре социальной и судебной психиатрии имени Сербского. Как оказалось, большинство из них были сотрудниками различных научно-исследовательских институтов и лабораторий. Во всех этих историях прослеживалась закономерность. Эти люди куда-то ехали – на работу, на рыбалку, на дачу, и в дороге бесследно пропадали, а потом оказывались в сотнях километров от дома. В большинстве случаев эти люди в дальнейшем становились профнепригодными. У них были стерты целые блоки памяти, касающиеся их основного вида деятельности. Я не открою секрета, если скажу, что сегодня существуют технологии по выборочному стиранию памяти: медикаментозный способ использует наркосодержащие вещества, техногенный – предполагает использование специальных генераторов. Наиболее действенный вариант – сочетание этих методов.

– Я понял, товарищ генерал, – я уже устал слушать ненужную мне информацию, которая имела одну цель – вызвать во мне чувство противоречия и обострить патриотические настроения, чего, в принципе, и не требовалось, поскольку я сам был так настроен, почему я и нашел способ корректно прервать генерала. – Это вопрос государственной важности. И я готов в таком деле поучаствовать. Только я никак не могу понять, при чем здесь Валентин Немчинов...

Генерал опешил так, что даже остановился, и уронил свой портфель. Я, как человек более молодой и более проворный, наклонился, поднял его и с понимающей улыбкой протянул Сергею Павловичу.

– Как ты узнал?.. Это даже по документам проходит под грифом «совершенно секретно». Как узнал, старлей?

– Вычислил. Как и полагается военному разведчику... Путем умозаключения.

– И попал в точку.

– Я просто выбрал наиболее вероятный вариант. Других у меня, по правде говоря, и не было. Так что при небогатом выборе я именно его и выбрал.

– Ты что-то знаешь про Немчинова, старлей?

– Очень мало. Знаю только то, что мне рассказал его первый тренер пару лет назад.

– Масляков?

– Да, Василий Юрьевич. Он главный тренер сборной войск специального назначения. Значит, и мой тренер в период подготовки к соревнованиям. Хороший специалист по ножевому бою. Не лучший, но хороший.

– А лучший кто? Немчинов?

– Я вообще не знаком с системой подготовки Немчинова. Видел некоторые его поединки. Меня они не впечатлили. Спортивный ножевой бой отличается от боевого, хотя сходства больше, чем отличий. Немчинов пытается совместить то и другое. Это его часто подводит. Дело в том, что в боевом применении оружия «ножевик» часто дерется не со специалистом-ножевиком, а просто с человеком, который взял нож в руки. Это диктуется разницей в подготовке. А лучший тренер-специалист... И это общепризнанный факт, даже не инструктор и не профессиональный тренер. Просто офицер спецназа ГРУ, уже отставник. Есть у нас такой – майор Кистень⁶, который готовит лучших бойцов в стране. Я ездил к нему тренироваться трижды. Дважды по неделе был, один раз аж на целый отпуск приехал. И все с пользой. Многому он научил, признаюсь. Но сам майор Кистень в соревнованиях никогда не участвует, хотя его победить практически невозможно.

– Но как ты Немчинова-то вычислил?! – Генерал снова показал свое удивление.

– Просто. Аналитике нас еще в училище обучили. И на службе занятия по аналитике проводятся постоянно... Я не знаю, чем он ваше внимание привлек. При дополнительной информации я и это постараюсь вычислить, а пока – не понимаю.

– Пока я тебе дополнительной информации дать права не имею. Это все позже, в процессе, так сказать, работы. Но ты уже свои способности показал, старлей. Нет, как бы Григорий Григорьевич ни упирался, я обязан тебя привлечь к операции. Я сам к вашему командующему поеду, сам с ним говорить буду. Очно. Уговорю...

– Надеюсь, товарищ генерал. Я свое согласие уже дал.

– И прекрасно. Значит, дело за мной. А я дела никогда не откладываю. Если нужно делать, я делаю. Жди теперь, когда в твой адрес персональный приказ из ГРУ придет...

* * *

Мне пришлось вернуться в спортзал, где занятия уже закончились, чтобы забрать свою спортивную сумку. К генералу я вышел без нее.

Комбата в зале уже не было. Еще когда мы с генералом Кабаковым прогуливались по дорожке военного городка, мне показалось, что я увидел его сухощавую фигуру, идущую от спортзала в сторону штаба. Значит, я не ошибся. Рыков удалился, не успев мне настроение испортить.

В раздевалке мне встретился капитан Телегин, который при моем появлении демонстративно потрогал свою челюсть.

– Не сломал? – спросил я участливо, хотя знал, что не сломал. Для перелома челюсти мне следовало бить, в первом варианте, на пару сантиметров правее, во втором – на восемь сантиметров правее. Но при втором варианте удар должен наноситься в дополнение ко всему

⁶ Майор в отставке Александр Кистень, легендарная для спецназа ГРУ личность. Разработал систему рукопашного боя, при которой в бойца невозможно было попасть кулаком. Он же – автор системы ножевого боя спецназа ГРУ.

слегка снизу, а я бил прямо и сверху. Так сломать челюсть можно только при очень мощном ударе, который я не наносил.

– Перетерплю. Я и перелом перетерпел бы. У меня вообще челюсть дважды была сломана. В первый раз еще мальчишкой на соревнованиях. Но я бой до конца довел, выиграл, хотя потом пришлось сняться с турнира. А потом в боевой обстановке. Бронетранспортер на мину наехал, а я с солдатами на броне был. Меня головой о ствол шарахнуло. Сразу и челюсть сломал, и сотрясение мозга заработал. Но я живучий. И после твоего сегодняшнего удара тоже выжил. Хотя сначала не соображал ничего, и даже доклад лежа по стойке «смирно» делать начал. В голове после такого удара, сам понимаешь – каша. А на кашу тараканы в голову набегают. А что такое тараканы в голове, ты, наверное, понимаешь. Никогда не знаешь, как человек с тараканами в голове себя поведет. Он за себя в такие моменты отвечать, понятно, не в состоянии. Только ты это... Будь уж человеком: не болтай, что я доклад лежа делал. А то перед солдатами стыдно. Офицеры поймут. Они сами удары не раз пропускали. Да и попросил я всех, включая комбата.

– Я, Витя, болтуном никогда не был. Я уже забыл про это. Не переживай...

– И отлично... – Телегин пожал мне руку. – А что ты с комбатом не поделил? Он с меня, похоже, на тебя решил переключиться. Мне даже пообещал скорый перевод в другую бригаду на майорскую должность.

– Ну, это не он, это управление кадров ГРУ решает, – я сделал вид, что меня мало интересуют придирки комбата. – Когда и куда тебя переведут...

– Тем не менее управление кадров делает запрос, а комбат пишет характеристику.

– А разве не ты сам на себя характеристику писал? – удивился я.

– Писал, было дело. Только он все переписал, как мне сказали. Теперь и твои характеристики переписывать будет на свой лад. Пока он тебя назвал офицером, лишенным чувства ответственности. С чего он так взъерился?

– Мне тут генерал из ФСБ предложил на них месяца три поработать. А у меня, сам знаешь, взвод проблемный. Больше половины – молодые призывники. Возмущается комбат, что я готов взвод в такой ситуации оставить.

– Понятно. И что мы будем делать в сложившейся ситуации?

– Покупаем коньяк. Идем к комбату. Дальше импровизируем...

– Хорошенькое дельце. Я бы и от коньяка не отказался, но у меня завтра отгул, с утра жену в город нужно везти, к врачу. А я после выпивки за руль не сажусь.

– Одобрям... А мне и покупать коньяк не на что. У жены на такое дело не выпросишь...

– Ладно. Не переживай. Три месяца – срок большой. Временно поставят на твое место кого-то из резерва. В резерве в бригаде два молоденьких лейтенанта сидят, ждут, когда их пристроят. А тебе, если все удачно пройдет, думаю, и возвратиться сюда не дадут. «Капитана» кинут и на роту в другую бригаду поставят. Такое уже бывало. А что планы комбата нарушатся, это его беда. Найдет, кем и меня заменить.

– Ты о чем? – не понял я.

– А ты не в курсе?

– Не в курсе.

– Рыков планировал меня отправить, а тебя на мое место поставить. И расстраивается, понимает, что ты, если операция хорошо пройдет, в батальон уже не вернешься.

– Придется возвращаться хотя бы за семьей... Документы оформлять...

– Семья сама к тебе приедет. И дом в ХОЗО⁷ сдадут. А документы начальник штаба и без тебя все по приказу оформит и в Москву отправит.

⁷ ХОЗО – хозяйственная часть.

Из спортзала мы вышли вместе с капитаном Телегиным. По дороге к КПП заглянули в казарму. Мой взвод в составе роты находился на занятиях, и мне, в общем-то, делать в казарме было нечего. Я только заглянул в канцелярию, вытер рукавом пыль со стекла на своем столе и вышел. А подчиненная Телегину разведрота располагалась в той же казарме, но на третьем этаже. Виктор Иванович туда поднялся. Встретиться мы с ним не договаривались, и я пошел домой.

Жена моему сообщению о вероятной командировке в Москву месяца на три весьма даже обрадовалась. Она увидела в этом хорошее предзнаменование.

– А есть возможность там остаться и квартиру получить?

Жена вся светилась надеждой стать москвичкой. Мне подобная идея не сильно «улыбалась». Я знал достаточно много людей и из ГРУ и гражданских, которые перебрались в Москву и стали просто москвичами. А москвич – это и не русский, и не украинец, и не белорус, и даже не узбек, и не таджик. Это отдельная национальность.

– Едва ли... – охладил я ее хозяйский пыл. – Скорее всего, после операции направят куда-нибудь в другую бригаду с повышением. Могут даже роту дать...

– Капитаном наконец-то станешь... – кисло обрадовалась она. – Тоже ничего. Но Москва все же лучше. Даже при старом звании. А что за операция?

– Не надейся, не хирургическая, – коротко и строго обрезал я. – Ужин готов?

– Садись за стол. Сейчас соберу. Пока можешь себе бутерброд с колбасой сделать.

– Опять... Утомил я себя вегетарианством.

Я еще неделю назад в Интернете тщательно изучал состав любимых сосисок, котлет и колбасы, и пришел к выводу, что являюсь отъявленным вегетарианцем. Жена была в курсе моего исследования, но все это по-прежнему в магазине покупала. А что делать, если у нас ничего другого в продаже не имеется?

Глава вторая

Дни стали тянуться за днями своим чередом. И никто не замечал моего «житья на чемоданах». Я ждал изменений, новостей, даже отказа. Нужна была хоть какая-то ясность. Но никаких вестей от генерала Кабакова я не получал. И подполковник Рыков вида не подавал, что он что-то знает о моем согласии с ФСБ сотрудничать. И даже особых придинок с его стороны я не заметил.

Тем не менее я хорошо помнил, что именно привлекло ко мне внимание ФСБ, и потому усиленно тренировался в ножевом бою. По сути дела, я устроил себе предсоревновательные сборы. А тут стали готовить списки для отправки в другую командировку – в постоянно работающий в регионе Северного Кавказа сводный отряд спецназа ГРУ. Произошло то, чего я и опасался. Сам я лучше других знал, что моему взводу в нынешнем его составе еще рано принимать участие в боевых действиях, хотя солдаты и рвались в бой. С прежними составами я уже ездил в такие командировки, там мой взвод зарекомендовал себя отличной боевой единицей. И, по идее, всегда чередовалось так, что один состав взвода бывает с боевым опытом, следующий – только с учебным, в учебном многие солдаты после службы заключают контракт, но тогда они уже более подготовлены. И с тем составом уже можно снова отправляться на Северный Кавказ. Это было неписанным правилом. Тем не менее, желая сохранить меня для батальона, комбат подполковник Рыков включил взвод во главе со мной с состав отъезжающих. Но за неделю до вылета пришли документы из Москвы.

– Тебя с твоим взводом не утвердили, – сообщил мне подполковник. – Посчитали твой взвод недостаточно подготовленным. Неудовлетворительно оценили твою работу, старлей.

– Я тоже думаю, что моему взводу туда рано отправляться, – согласился я неожиданно для комбата. Он-то рассчитывал уязвить меня отказом, а получилось наоборот. Комбату лишние хлопоты – новый взвод выбирать и срочно готовить. Но это его проблемы. Мои проблемы выяснились в тот же день, только уже после обеда, когда Рыков позвонил в канцелярию роты. Разговаривал не со мной, а с командиром роты, после чего вызвал меня к начальнику штаба.

Вызов показался даже командиру роты странным. Комбат вызывал не к себе, а к начальнику штаба – это казалось непонятным. И даже выглядело так, что начальник штаба приказал комбату. Это вызывало у командира роты естественное недоумение.

Один я понял, что произошло. Пришел вызов из Москвы. Подполковник Рыков, по своему обыкновению, дал мне, наверное, отрицательную характеристику. Но генерал Кабаков сумел убедить командующего. После чего пришла шифротелеграмма. Как обычно, докладывают шифротелеграмму комбату. Но оформление всех документов проходит в штабе батальона. И Рыков, считая, что его унизили, не посчитавшись с его мнением и данной им отрицательной характеристикой, не захотел со мной встречаться. И приказал командиру роты отправить меня напрямую к начальнику штаба для оформления всех документов.

Характер подполковника Рыкова опять сыграл с ним плохую шутку. Он, видимо, написал две характеристики. Первую, по запросу ФСБ. Вторую – для отправки взвода на Северный Кавказ. Офицеры, которые получили эти документы, должны были быть, по идее, разными людьми, представляющими разные управления и отделы. И, как думал Рыков, не должны показать один другому эти характеристики. А командующий войсками спецназа ГРУ, как все командующие, подписывает те документы, которые для него готовят подчиненные, как правило, не читая их. Но, наверное, командующий в этот раз заинтересовался мной и заметил разницу двух характеристик. Согласно характеристике для ФСБ, я должен быть разгильдяем из разгильдяев, пьяницей и развратником, и вообще очень ненадежным человеком, да еще имеющим склонность к «поножовщине».

Согласно характеристике для сводного отряда, я – образцовый командир взвода, который сумел за короткий срок подготовить пригодный для боевых действий взвод. Какая из характеристик понравилась командующему больше, я не знал, но предполагал, что он прочитал обе. И, как человек опытный, сам когда-то возглавлявший и батальон, и бригаду, легко понял причину действий подполковника Рыкова. И, разумеется, не оставит без внимания готовность подполковника, ради того, чтобы сохранить в батальоне командира взвода, послать на бойню неподготовленных солдат. Думаю, это может обойтись подполковнику Рыкову досрочным выходом на пенсию. По крайней мере, я сам бы его туда за такие проделки отправил.

Я пришел к начальнику штаба вовремя. В кабинете его не оказалось. Но адъютант комбата, сидящий, как опытная секретарша, за компьютерным столом в приемной, с удовольствием сообщил:

– Сейчас освободится. Дела у комбата принимает...

– В смысле? – не понял я.

– Рыкова нашего на пенсию отправляют. Приказ из Москвы пришел. Требуют прибыть в ГРУ для оформления пенсионных документов. На его место временно начальника штаба ставят. Но нет ничего более постоянного, чем что-то временное. Дадут майору подполковника и оставят командовать. А на его место поставят, по слухам, капитана Телегина. Ему пора уже майором становиться. Вот такие дела у нас, старлей. А ты что натворил?

– Что я натворил?

– На тебя и из ГРУ, и из Военного Трибунала бумаги пришли... Какой-то приговор тебе накатали... Колись сразу, старлей. Бей себя в грудь: «Не виноватая я. Он сам ко мне пришел...»

Это было для меня, признаюсь, совсем неожиданной новостью. То есть про документы из ГРУ я догадывался. А вот Военный Трибунал меня смутил. Да еще и с приговором... Сразу в голову полезли разные посторонние мысли. Вспомнилось, как в последнюю командировку на Северный Кавказ я самолично без суда и следствия расстрелял майора-мента, парня из местных, который на бандитов работал. Дело было на глазах солдат моего взвода. Смерть мента потом на бандитов списали. И, наверное, семья его за утерю кормильца теперь пенсию получает. Но у меня не было возможности выставить караул к этому майору, как пришлось бы делать в случае его задержания, мой взвод уже вступил в бой с превосходящим по численности противником, и каждый ствол был на счету. Я считал, что выбрал единственно правильный путь.

Но, если это дело дошло до Трибунала, меня должны были бы сначала в военный следственный комитет таскать до психического изнурения, как это обычно бывает. Потом на заседание Трибунала пригласить. Не бывает обвинения человека в его отсутствие без уважительной причины. Значит, что-то другое. А другого серьезного проступка в ближайшем прошлом я за собой не помнил.

– Не знаю... – честно признался я адъютанту.

– Сейчас Александр Васильевич освободится, он тебе объяснит.

Долго ждать и мучиться неизвестностью мне не пришлось. Неизвестность, как водится, всегда мучительнее смертного приговора.

Открылась дверь кабинета, и оттуда вышли подполковник Рыков и майор Васильков. Подполковник глянул на меня грозно, словно взглядом «рыкнул», и пошел на выход. Понимал, должно быть, причину своей скоростижной отправки на пенсию. Но, как все авторитарные личности, всегда желал видеть причину своих неудач в других, искал происки против себя там, где их не было. Обычная вещь, с которой каждый подчиненный сталкивался.

Майор Васильков был полной противоположностью комбату, внешне мягкий, вдумчивый, неторопливый, но все всегда успевающий, умеющий и человека понять, и на своем настоять, когда требуется. Александр Васильевич Васильков раньше командовал разведротой в батальоне, и вытащил на эту должность одного из командиров взводов. А сейчас, как объяснил

адъютант, готовится стать комбатом и желает Телегина видеть начальником штаба при себе. Думаю, им легко будет друг с другом сработаться. Я понадеялся, что наш адъютант, как все на свете адъютанты, знает все и не ошибается в своих предсказаниях. Меня бы такое положение весьма даже устроило. А сам я готов был по возвращении из предстоящей командировки занять место Телегина, как говорил о том сам Телегин.

Майор Васильков посмотрел на меня своими василькового цвета глазами, словно не сразу сообразил, зачем я здесь появился в такой сложный и ответственный момент. Потом вспомнил и жестом пригласил меня в свой тесноватый кабинет, длинный приставной стол в котором, как я помнил, всегда был завален картами регионов Северного Кавказа с множеством отметок и стрелок, понятных только трем офицерам батальонного оперативного отдела. Два солдата-планшетиста, что работали при оперативном отделе, значения того, что они на картах рисовали по подсказке офицеров, естественно, не знали, если этого не знал даже я, уже дважды побывавший на Северном Кавказе.

– Прошу, Алексей Афанасьевич, прошу. Проходи...

Я прошел без стеснения. Александр Васильевич только сказал что-то адъютанту, мне показалось, попросил того принести нам чай, и вошел сразу за мной. Но даже в небольшом кабинете умудрился меня обогнать и сесть за свой стол.

– Присаживайся... – показал он на ближайший к себе стул. – Мне Григорий Григорьевич вкратце ситуацию обрисовал, но он мало знает о сути твоей работы. Генерал Кабаков не пожелал с подполковником делиться, хотя они знакомы уже больше десяти лет. Может, ты мне объяснишь?

– С удовольствием бы, товарищ майор, но я суть дела знаю еще меньше, чем подполковник Рыков. ФСБ – такая контора, что раньше времени свои карты не открывает даже перед основным исполнителем задания. А генерал с мнением старшего лейтенанта считается несравненно меньше, чем с мнением подполковника. И потому объяснять ничего не стал. Хотя я, как профессиональный разведчик, попытался хоть что-то из него выудить. Но он – опытный фрукт. Все свое держит при себе и, как я понял, любит людей использовать, что называется, «втемную». Иначе люди могут о себе возомнить... Мне он именно таким человеком показался. Хотя не мне с моим званием определять характер генерала ФСБ.

Я ответил скромно, но дал субъективную информацию о личности генерала Кабакова и ничего конкретного при этом не сообщил. Все, как полагается в разведке и, наверное, в ФСБ тоже. Личность генерала я намеренно искажил, чтобы мои слова выглядели более правдоподобными. В действительности он мне показался более симпатичным человеком, чем тот, которого я описал майору Василькову. И это даже несмотря на небольшую неувязку с датой подписания документа «о неразглашении».

Васильков с улыбкой кивал в такт моим словам.

– Ладно, сам с ними встречался, знаю, что это за люди. Потому – верю. Но объясни мне, что это такое и для чего это нужно? Нам все документы предложено оформить задним числом, – майор взял со стола тонкую папку и потряс ею в воздухе.

– А что это? – спросил я с первозданной наивностью, что вынудило майора Василькова передать папку мне в руки.

«Это» оказалось выписками из приговора Военного Трибунала Южного Военного Округа, который судил меня за безобразную уличную драку, в которой я изуродовал троих людей, причем двое из них были вооружены ножами. Приказ Трибунала был, как обычно, суров, но справедлив, лаконичен и понятен: «Разжаловать в рядовые и уволить из армии». Сначала, когда я прочитал, мне кровь ударила в голову, но когда я глянул на дату судебного заседания, то сразу все понял и успокоился:

– Я так понимаю, что это моя «крыша». Иначе говоря, изъясняясь языком разведки, это моя «легенда», с которой мне предстоит работать. Другого разумного объяснения я не вижу,

потому что все это – откровенная «липа». Во время судебного заседания Военного Трибунала Южного Военного Округа я, если мне не изменяет память, даже в Краснодар, не то что в Ростов-на-Дону, не выезжал. И целый день находился в расположении батальона, проводил со своим взводом плановые занятия согласно расписанию. Если мне память не изменяет, в тот день утром мы совершали марш-бросок по пересеченной местности в район Горячего Ключа и обратно, потом были занятия на «полосе разведчика»⁸ и с инструктором по скалолазанию на «скалодроме». Потом были занятия по «нижней акробатике»⁹. После чего занимались минным делом – только установкой, снятие пока не изучали, а потом выезжали на стрельбище с инструктором по снайпингу. Испытывали новые оптические прицелы для автомата. После обеда сначала четыре часа было отведено на рукопашный бой. Из них два первых часа шла отработка снятия часового, а два последних часа ушло на фехтование малой саперной лопаткой. После этого до изнеможения ползали по пашне. Завершился день двухчасовыми теоретическими занятиями по блокировке средств связи штаба противника. Практические занятия по этой теме проводились уже на следующее утро. После теории у солдат был час личного времени, по завершении которого я проводил обучающие занятия по психологической разгрузке и снятию стрессовых состояний в полевых условиях. Солдаты взвода могут подтвердить, что я никуда не отлучался в тот день. Домой пришел около двадцати двух часов. И в тот же вечер был на офицерской тренировке по ножевому бою.

– Ну и память у тебя... – покачал головой майор Васильков.

– Когда вы взводом командовали, товарищ майор, вы тоже, наверное, наизусть помнили расписание, которое сами же и составляли.

– Наверное, помнил. Сейчас уже забыл, какая у меня тогда память была. Сейчас не до воспоминаний. Некогда просто вспоминать. Текучка давит... Но это все было давно. Сейчас уже точно – прочно забыл, а ведь когда-то и взводом командовал... – посмеялся над собой начальник штаба. – Я, кстати, позвонил в ГРУ по поводу материалов из Военного Трибунала. Обещали выяснить и прислать мне разъяснения в течение двух часов. Полтора уже прошло. Скоро должны прислать. В головном управлении любят пунктуальность. Их командующий приучил. Короче говоря, вот в этой папке, – майор показал и передал мне в руки голубенькую пластиковую папку с клапаном на кнопке, – все твои настоящие документы. Продовольственный аттестат, командировочное удостоверение, деньги, кстати, не забудь в бухгалтерии получить – командировочные и жалованье, как нас просили, за три месяца вперед, но в одинарном размере. Хотя твоя операция и считается боевой, в тройном размере тебе будет жалованье выплачивать ФСБ в Москве. Короче говоря, и там, и здесь получишь. Ну, и все остальные документы тоже здесь. Поедешь на своей машине. Это приказ...

– Товарищ майор, моей машине уже двенадцать лет. Она у меня до Москвы не доедет. На ходу развалится. Я ее больше ремонтирую, чем езжу.

– А ты генерала Кабакова об этом поставил в известность?

– Об этом у нас разговор не заходил. Я вообще об использовании личной машины впервые слышу. На моей колымаге только по Москве ездить. От аварии до аварии...

– Я не в курсе. Может, подполковник Рыков разговаривал с генералом по этому поводу. Просто ничего сказать тебе не могу. Но есть приказ. Как будем поступать?

– Можно дать равнозначный приказ прилететь мне в Москву через пять минут на личном самолете. Это будет так же невыполнимо.

⁸ «Полоса разведчика», «Тропа разведчика» – то же самое, что «полоса препятствий в обычной воинской части, только увеличенная по дистанции и усложненная простыми и дополненная особыми, нестандартными препятствиями. В каждой воинской части спецназа создается самостоятельно, в соответствии с выдумкой офицерского состава.

⁹ «Нижняя акробатика» – система упражнений, обучающая бойцов совершать кувырки, перекаты, перевороты, способные помочь в боевой обстановке. В основе упражнений лежит растяжка сухожилий.

– Я так понимаю, что твое пребывание в Москве как-то должно быть связано с автотранспортом. Хорошо. Этот вопрос мы утрясем. Я сейчас же позвоню в Москву, хотя не понимаю, откуда у этого приказа «ноги растут» – из ГРУ или из ФСБ. Но я выясню. Мне лишний раз позвонить не сложно. Иди пока в бухгалтерию. Как только придут разъяснения из Москвы по поводу Военного Трибунала, сразу начнем оформление документов. Как только будут готовы, я позвоню в ротную канцелярию и позову тебя. Иди...

Я уже встал, чтобы выйти, когда в дверь постучали. Васильков разрешил войти. Появился адъютант с подносом в руках. Принес на двоих чай.

– Поздно принес, – сказал Александр Васильевич с укором. – Ему уже бежать пора. Дела решать. Ладно, я один за двоих выпью...

* * *

Я вернулся в казарму, из канцелярии позвонил жене, сообщил, что пришли документы на командировку в Москву, и попросил подготовить мне дорожную сумку взамен привычного «тревожного чемодана»¹⁰. О том, что никому не следует знать о том, куда и зачем я отправляюсь, я даже предупредить не стал. Она у меня умница, все знает и понимает, и лишнего не сболтнет.

Едва я положил трубку и встал, чтобы отправиться к своему взводу посмотреть, как идут занятия с инструктором по работе с беззвучным минометом «Галл», как позвонил майор Васильков. Я ответил бодро:

– Слушаю, товарищ майор. Пришел ответ из Москвы?

– Пришел. Как ты и предполагал, это твоя «легенда». Документы на увольнение делают. Все документы будут оформлены задним числом и внесены в компьютер делопроизводства. В Москве тебе выдадут военный билет рядового запаса и гражданский паспорт. Новенький. Но я по другому вопросу. Насчет машины. Уже разработана «легенда», согласно которой ты первое время в Москве будешь заниматься частным извозом. У тебя карточка банковская есть?

– Так точно, товарищ майор. Обычно жалование на нее переводят. Только сегодня выдали за два месяца наличными, а за один месяц перечислили. Я сразу получил. Как я понимаю, это делается, чтобы не засветить в «мобильном банке» выплату за три месяца сразу. Мобильный банк у меня в трубке смартфона. Все поступления и снятия там отражаются.

– Это плохо. Тогда твоей карточкой пользоваться нельзя. Заскочи в штаб, я тебе свою дам. Но сначала беги в автосалон. Он у нас в поселке всего один, адресом не ошибешься. Машину выбери китайскую. Пусть готовят. Узнай цену, возвращайся, я позвоню, тебе деньги сразу на мою карту перечислят. Расплатишься. Поедешь на новой машине. Лучше машину недорогую. Просят именно китайскую. Она будет незаметна среди московских такси. Там такие в основном и ездят. Документы, естественно, оформляешь на себя. Я сейчас позвоню в автосалон нужному человеку, пусть тебе оформят покупку хотя бы двумя-тремя месяцами раньше. У меня есть канал давления на них. И в ГИБДД я тоже договорюсь. Номер сделают, и ПТС¹¹ оформят, как нужно. Беги в автосалон... Потом ко мне. Может, часть документов уже успеют сделать. И сейчас придет шифротелеграмма с инструкцией по первоначальному поведению.

– Моему?

– Не моему же... Я в Москву не собираюсь. У меня здесь дел хватает...

– Понял, товарищ майор. Работаю... – по-боевому ответил я...

¹⁰ «Тревожный чемодан» – каждый офицер на случай тревоги, чтобы не терять время, обязан иметь собранный «тревожный чемодан» со всеми первично необходимыми вещами.

¹¹ ПТС – паспорт транспортного средства.

* * *

Все дальнейшее происходило, как на выезде по тревоге, почти бегом. Да я и в самом деле, хотя и не бегал по городку, передвигался только быстрым шагом, но скорость при этом у меня была такая же, как при легком беге. До конца рабочего дня я все успел завершить. И даже к дому подъехал на новой, пока еще условно своей машине. При этом не знал, станет ли она моей в действительности, но почему-то думалось, что ФСБ может и расщедриться на такой подарок. В противном случае, если поскребу свои сбережения, отложенные на черный день, подзаиму, сколько не будет хватать, при этом, естественно, избегая кредитов в банке, то смогу машину и выкупить.

На ходу машина мне нравилась, хотя всегда можно было найти к чему придраться. Без этого автомобилей вообще, как я понимаю, не бывает. Не знаю, как «китаец» будет вести себя через год-два, но пока мне, привыкшему за двенадцать лет к разбитой «Шевроле-Ниве», придраться к «китайцу» абсолютно не хотелось. Пока еще машина бегала достаточно хорошо. Я даже дочерей пять минут покатал, хотя и не разрешил старшей, которой скоро должно стукнуть четырнадцать, сесть за руль, как разрешал ей на своей старой машине.

Потом высадил девочек и зашел в дом со всеми проститься. Уехал я в ночь, захватив из дома термос с крепчайшим натуральным кофе, он меня обычно хорошо бодрит даже без смеси с какой-нибудь «колой», как часто рекомендуют интернет-вредители. Уснуть за рулем я не опасался, но бодрость сохранить желал. И сердце пока еще позволяло пить крепчайший кофе.

Шифротелеграмму с инструкцией по первичному поведению в Москве я читать не стал. Я ее просто сфотографировал глазами, и в дороге восстанавливал в памяти, изучая почти построчно.

Остановиться мне предлагалось у «старшего брата», Ветошкина Юрия Афанасьевича. Был у меня такой брат в действительности, только он был на два года меня младше. Но братья и сестры в паспорт не вносятся, и, хотя «старший» брат – это был «прокол» в работе ФСБ, уже хорошо было то, что они нашли в Москве человека, у которого полностью совпадают данные с моим настоящим братом, кроме возраста. А мой настоящий брат Юра родился тоже в Подмосковье, в Подольске, где отцу, полковнику ВДВ, дали квартиру после выхода на пенсию.

«Старший брат», как и настоящий младший, тоже был военным. Только Юра был десантником, а «старший брат» ракетчиком, и преподавал в Академии. Удобство состояло еще и в том, что жена с дочерью «старшего брата» летом жили на даче, и пока еще погода позволяла, не вернулись в Москву. Но они были в курсе моего временного пребывания в квартире своего мужа и отца и планировали возвращение только после моего отбытия. Какая связь существовала между подполковником Юрием Афанасьевичем Ветошкиным и следственным управлением ФСБ – этот вопрос меня совершенно не касался. Может, он давно сотрудничал с ними, может, просто принял просьбу генерала через командование своей Академии, может, сработал еще какой вариант. Но посвящать Юрия Афанасьевича в свои дела мне категорически запрещалось.

Поехал я, естественно, в камуфлированном костюме, но без погон, которые бережно снял и спрятал дома в шкафу, в кармане своей парадной формы. Костюм мой был от экипировки «Ратник», только без бронежилета. Камуфляж в нынешнее время никого в заблуждение не введет. Его может носить кто угодно и где угодно. Разве что при посещении театра не рискнут так обрядиться, если не думают на сцену выпрыгнуть. Но если с погонами, то можно и в театр в такой одежде сходить. Впрочем, я не театрал, и посещать театры вообще не намеревался. И хотя оставил дома большую часть полученных средств, мне, при необходимости, наличности все же хватило бы, чтобы купить себе приличный гражданский костюм, чтобы появиться в обществе, если появится такая необходимость. Хотя я всегда предпочитал джинсовые костюмы.

Если уж не камуфляж. А так, в камуфляже, если с погонами, то ты – военный. Нет погон – ты кто угодно, от бомжа до министра. Сплошная демократия...

Дорога забегала под колеса весело. Ехал я на пределе разрешенной скорости и старался не нарушать правила. Дорога в ночное время была почти свободной, и мне никто не мешал. Встречные машины попадались редко. Попутные тоже дорогу не занимали, хотя пару раз меня на большой скорости обгоняли статусные солидные машины. Но с ними тягаться у меня желания не было. Только под утро откуда-то потянулось много большегрузных фур, которые дорогу занимали и ехали медленно. Но под запрещающие знаки я их все равно не обгонял, помня инструкцию – в ГИБДД по дороге до Москвы меня прикрывать не будут. Если будут неприятности в Москве, когда начну «бомбить», там прикроют. Это необходимость, поскольку МВД с частным извозом в последнее время усиленно борется.

И я был прав в своей осторожности. Обычно сразу за окончанием знака «обгон запрещен» стояла машина ГИБДД, где инспекторы внимательно всматривались в идущий мимо транспорт. Короче говоря, добирался я без приключений, поскольку сам не искал их и не наживал неприятностей на свою голову. Дорога долго позволяла чувствовать себя относительно свободным.

Тем не менее в Москву я въехал уже в плотном автомобильном потоке. Машины спешили. Все стремились добраться побыстрее до места назначения, чтобы до конца рабочего дня просидеть в офисе перед компьютером, а потом, уже ближе к вечеру, в таком же плотном потоке выбираться за пределы города, к месту жительства. Кто-то мне говорил, что почти половина работающих в Москве людей живет в Московской области. И добираются до работы, кто как может. Кто автотранспортом, кто на электричке, кто на автобусе. Но все же, когда транспорт под рукой, это большое удобство, несмотря на невозможность найти удобную для себя парковку. Вот потому, наверное, в Москве и ставят машины где попало, от тротуаров до поворотов...

Адрес, что мне был дан в инструкции, я запомнил хорошо. И автомобильный навигатор прекрасно справился со своей задачей, хотя я готов был подстраховаться и использовать свой смартфон, тоже имеющий целых три навигационные системы. Однако прибегать к услугам смартфона не пришлось. Пристроив машину рядом с другими, стоящими во дворе, я захватил с собой сумку и пошел на встречу со «старшим братом». Безошибочно определил нужный подъезд, набрав на домофоне номер квартиры, представился «брату», а еще через минуту, когда открылась дверь на третьем этаже, уже пожимал ему руку, несмотря на то, что он был подполковник, а я только старший лейтенант. Но я в настоящий момент не носил погоны, и это давало мне право не обращать внимание на армейскую субординацию...

Глава третья

«Старший брат» убежал к себе в Академию читать лекции – боялся опоздать, мне он сунул в руку связку ключей от квартиры, показал, какой ключ от нижнего замка, какой от верхнего, какой от подъездной двери – я сам догадался. Впрочем, я объяснил, что до обеда думаю отоспаться после ночной дороги, а после обеда «старший брат» пообещал вернуться. Значит, никуда выходить в его отсутствие я не намереваюсь.

– Все, что в холодильнике найдешь, можешь потреблять, – щедро предложил Юрий Афанасьевич. – После обеда в магазин ходим, купим каждый себе на свой вкус, что приглянется...

Он заговорщически подмигнул, и уже по тому, что других причин подмигивать не было, я понял, что он – человек пьющий. А когда после ухода хозяина заглянул под стол, убедился, что был прав. Пустых бутылок было немало. А вот полных – ни одной. Значит, не просто пьющий, а пьющий крепко. Утешало только то, что все бутылки были из-под хорошего вина, а не водочные. Но это слабое утешение.

Свои законные и привычные четыре часа я поспал, после чего сделал в квартире небольшую уборку. Вынес в мусоропровод все пустые бутылки и вытер пыль. При этом внимательно смотрел, чтобы по пыли не было ничего записано. После чего в соответствии с полученной инструкцией позвонил генералу Кабакову. Он, видимо, уже запомнил номер моего сотового телефона, потому что ответил сразу:

– Выспался, старлей! Ну и молодец... Я сейчас подъеду к тебе. Юрий Афанасьевич дома?

– На службе. У него до обеда лекции в Академии.

– И хорошо. Постараюсь до его приезда все вопросы решить.

Зная, как сложно ездить по Москве, когда следующая дорожная пробка начинается раньше, чем закончилась предыдущая, я не ждал генерала слишком быстро. Тем не менее он позвонил в дверь уже через двадцать минут. Не в домофон, а именно в дверь. Должно быть, подъездная дверь была открыта или у генерала был от нее ключ.

– Ну, с приездом, Алексей Афанасьевич! – сказал Кабаков и шагнул через порог.

Он был в гражданской одежде и казался в ней старше и ниже ростом. Не было военной подтянутости и обязательной привычки держаться прямо, слегка вытянувшись.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – меня камуфлированный костюм даже без погон ставил в армейскую стойку.

– Как доехал? Без происшествий?

– Я всегда аккуратно ездю. За всю жизнь ни разу в аварии не бывал.

– А давно ездешь?

– Начал раньше, чем научился ходить. Отец за рулем сидел, я у него на коленях, и за руль держался. Когда попробовал ездить самостоятельно, уже и не помню.

– Со «старшим братом» общий язык нашли?

– Мы с ним практически не общались. Я приехал, он на службу поспешил. Только ключи мне оставил. И доступ к холодильнику обеспечил.

– Позавтракал?

– Не успел еще. В случаях, подобных сегодняшнему, я предпочитаю завтрак совмещать с обедом. Жду, когда «старший брат» вернется, вместе и пообедаем...

– Не получится. Я тебя увезу.

– Тогда мы с ним вместе только поужинаем...

В этом коротком и вроде бы малозначительном разговоре проскользнула моя готовность к работе. И Сергей Павлович, как мне показалось, остался доволен.

Он разделся, прошел в большую комнату, там открыл свой портфель, достал какой-то прибор, включил его. На мой вопросительный взгляд ответил коротко:

– «Глушилка». Не допустит прослушивания нашего с тобой разговора. Кстати, хозяин тебе ключи отдал, а у него самого ключ остался?

– Я не в курсе. Но мы услышим, если он войдет.

– Но не услышим, если будет звонить. «Глушилка» и домофон заблокировала, и электрический звонок, и даже все электроснабжение квартиры отключила. Не говоря уже о сотовом телефоне. Это вообще без проблем.

Для проверки я вытащил свой смартфон, нажал кнопку. Экран не засветился.

– Хорошая штука... – похвалил я «глушилку».

– Только воры теперь тоже такой «хорошей штукой» часто пользуются. Говорят, даже на «блошином» рынке можно «глушилку» купить. И сигнализацию отключают, и видеокамеры – все полностью блокирует. Скоро, думаю, и к вам на службу такие придут. Вам тоже они могут понадобиться. Сейчас разрабатываются модели для установки с помощью вертолета. Ударопрочные – можно их просто сбрасывать с вертолета, и будут работать. Причем включаться должны дистанционно.

– Обязательно понадобятся, – согласился я. – А питание там какое?

– Восемь «мизинчиковых» батареек. Два блока по четыре батарейки. Каждый блок работает на свой контур. Хватает на два часа непрерывной работы. Радиус действия до тридцати метров. Соседей по дому можно пугать. Можно батарейки заменить аккумуляторами. Срок работы при полной зарядке аккумуляторов увеличивается втрое.

– Придется в окно смотреть... – предложил я. – Уходил «старший брат» в сторону станции метро. Надеюсь, возвращаться будет оттуда же. Он же не «на колесах».

Генерал согласно кивнул. Я застыл, оперев руки о подоконник, и даже чуть-чуть присев на него. Но сесть на подоконник полностью возможности не было. Даже при том, что я человек достаточно худой, я понимал, что на таком узком подоконнике я явно не помещусь. Даже при том, что выпасть из окна третьего этажа не боюсь. Высота небольшая, я сумею сгруппироваться и приземлиться на ноги. На батальонной «полосе разведчика» приходится прыгать примерно с такой же высоты, и не в мягкий газон, а на бетон.

– Слушаю вас, товарищ генерал.

– Время мы тянуть не будем, и к операции приступим уже завтра. К непосредственным действиям. Но сегодня потребуется провести подготовку. Сегодня подпишем все документы, договора и прочее. Там много бумажной волокиты. Потом проведем встречу с одновременной тренировкой. Или с репетицией, не знаю уж, как правильно выразиться.

У нас есть два лжетаксиста, которые, как и ты, без лицензии «бомбят» на московских дорогах. По статистике, сорок процентов всех частных таксистов работает без лицензии, и большинство из них даже избегает официального указателя на крыше или на стекле. То есть, если их остановят, доказать, что они работают как такси будет невозможно. Ну, мало ли, взял попутного пассажира. Это же не система заработка... Короче говоря, ты это имей в виду. Их усиленно пытаются «прижать» и заставить платить налоги, но это при существующем законодательстве чрезвычайно сложно. Ерундовый штраф они могут и заплатить. Если бы вот машины у таких таксистов конфисковали, может быть, это и дало бы результат. Но они и тогда бы, думаю, рисковали. По крайней мере, многие.

Эти таксисты в день зарабатывают столько, сколько ты, старлей, – за месяц командировки на Северном Кавказе, под пулями. При таких заработках, как понимаешь, конкуренция у них жесточайшая. Просто так пробиться в их ряды проблематично. Если вообще возможно. Существует клановость, как на Кавказе. Своих пускают. Иногда, когда приезжают свои, им даже деньги на машину выделяют. Своего рода лизинг. Расплатишься постепенно, тогда машина будет твоя, а до этого часть заработка идет в счет погашения кредита.

К настоящему моменту все основные места между этими так называемыми «таксистами» распределены, и чужих они встречают «в штыки». МУР¹² уже раскрыл несколько убийств. Мотив – конкуренция. Если появляются новички, они, как правило, стоянками не пользуются, просто «ловят» попутчиков на дорогах, и все. Но так слишком велики затраты на бензин, и вообще много, как считается, не заработаешь. Да и настоящие «бомбилы» сами таких отлавливают. Бывают жестокие расправы. А стоянки такси располагаются в конкретных местах, которые и сами москвичи, и приезжие давно уже знают. Недалеко от станций метро, рядом с остановками общественного транспорта, рядом с крупными магазинами и тому подобное. То есть где людей много.

Все стоянки, как правило, распределены между этническими кланами. В одном месте работают только дагестанцы, в другом – только грузины, в третьем – молдаване, в четвертом – узбеки. Но есть пара-тройка мест, где собираются представители разных кланов. Эти места контролируются так называемыми межэтническими группировками. Но там тоже новичков не слишком охотно пускают. Обычно это самые криминогенные места.

Вот на такую стоянку мы тебя и отправим. Контролирует стоянку уголовный авторитет Алишер. И будь готов к конфликту, который возникнет сразу, уже завтра. Сегодня ты познакомишься, Алексей Афанасьевич, с двумя парнями, которые на тебя завтра «наедут». Они на нас работают, хотя и не в полную силу. Работают и на МУР, и на райотдел полиции. Со всеми стараются ладить, везде мелочь за свою работу получают. Но запомни главное. Сегодня ты отрепетлируешь с ними нападение. Они за определенную плату согласны даже быть слегка побитыми. Умеешь бить слегка, чтобы не уродовать «скрытую агентуру»?

– Умею, – гарантировал я. – На занятиях по «рукопашке» с солдатами всегда приходится бить «слегка», чтобы не изуродовать...

– Вот и я также подумал. Значит, ты подъедешь на стоянку, которую я тебе укажу, встанешь среди других машин в очередь. Там живая очередь существует. Сначала будут только коситься, но ты из машины не выходи, тогда конфликт раньше времени не начнется. Потом, в нужный момент, подойдет женщина и сядет в твою машину. В очереди возмутятся. Тебя заблокируют. Вот тогда и покажешь отработанную технику. Отрепетированное действие. Оплачивать парням неустойку буду я, ты не пытайся сунуться. Ты в Москву на заработки приехал...

– А что за нужный момент? Чем он обусловлен?

– Позади тебя еще одна машина встанет. Там будет за рулем такой парень – чернявый, кудрявый крепыш, молдаванин Ивон. Это один из учеников Немчинова. Демонстрация драки будет специально для него. Чтобы Ивон уже вечером мог пересказать произошедшее Немчинову. Для того, чтобы Немчинов заинтересовался тобой, оба твоих противника будут с ножами. Как я понимаю, ты же умеешь не только фехтовать с ножом, но и от ножа защищаться. Наверное, в спецназе ГРУ и этому тоже обучают...

– Естественно, умею, товарищ генерал.

– Но все должно выглядеть естественно. Потому нападавшим на тебя придется покрасоваться с парой синяков. Обеспечишь?

– Без проблем.

– Вот и отлично. А пока давай подпишем документы. Внимательно следи за вариантом оплаты, чтобы потом претензий не было. Там все прописано, вплоть до сроков выдачи средств. И все остальные условия. Свои документы, кстати, предоставь. Мне их тоже следует сдать в ХОЗО на оформление.

Я занялся чтением и подписанием. Как обычно, подпись приходилось ставить на каждой странице под текстом и в конце документа. Меня уже предупреждали, что в ФСБ любят делать документы так, чтобы на последней странице оставалась только подпись. Это позволит сам

¹² МУР – московский уголовный розыск.

документ подменить. Я даже готов был попросить генерала в этом случае перепечатать бумаги так, чтобы на последней странице над подписью осталось хотя бы пара строчек. Но это не понадобилось. Все было сделано правильно, и претензий с моей стороны не возникло.

Я все подписал и передал документы генералу Кабакову, которому теперь предстояло идти к своему директору, чтобы поставить вторую подпись.

Краем глаза я заметил движение на дорожке за окном. Посмотрел, и увидел возвращающегося «старшего брата».

– Вовремя, – кивнул Сергей Павлович. – Нам с тобой, кстати, уже пора ехать. Анвар с Юнусом скоро придут. Нехорошо заставлять людей ждать.

– А основные мои действия? Моя задача? – спросил я.

– Действия – по обстоятельствам. Задача – проникнуть в окружение Немчинова и устроиться на работу в лабораторию, где он возглавляет охрану. Охранником устроиться... Там не так давно было совершено три убийства толковых ученых. Нас смущает способ убийства. Все они совершены ножом. Значит, след может вести к Немчинову. Но есть одна странность. Удары ножом наносились ниже пояса. В спортивном фехтовании ножами, насколько мне известно, так не бьют. Все. О делах больше не говорим. Я выключаю «глушилку».

Он выключил прибор сдвижной кнопкой и сразу убрал его в портфель. Я успел налить генералу чай, когда в дверном замке зашевелился ключ. «Старший брат» вернулся со службы.

С генералом подполковник был, оказывается, хорошо знаком. Но пообщаться с Юрием Афанасьевичем нам опять долго не дали. Сергей Павлович начал собираться. Эти сборы заставили пошевелиться и хозяина квартиры. Сначала он передал генералу несколько листов принтерной распечатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.